

к русскому крестьянству, неожиданная на первый взгляд для француза XVIII века любовь к русской национальной песне.³³

Вера Дидро в русский народ была непоколебима: «Признаюсь, — писал Дидро, — я был бы в восторге, узнав, что моя родина в союзе с Россией».³⁴ А в одном из своих писем (октябрь 1773 года) он выражал уверенность в том, что в будущем Россия (*le nation russe*) «станет одной из наиболее честных, одной из наиболее мудрых и одной из наиболее грозных стран Европы и мира» (*une des plus honnêtes, une des plus sages, et une des plus redoutables contrées de L'Europe, du monde*).³⁵

³³ Об этом мы знаем из письма Дидро к Е. Р. Дашковой, из его просьбы к Бороздиной доставить ему в Париж русские народные песни-ноты с русским текстом (*avec des paroles russes écrites au dessous*) и аккомпанементом («Русский вестник», 1866, № 7, стр. 137; В. Михневич. Исторические этюды русской жизни, т. I. СПб., 1879, стр. 281; Н. Tronchon. *Romantisme et préromantisme*. Paris, 1930, стр. 266.

³⁴ Дидро, Собрание сочинений, т. X, стр. 90.

³⁵ Diderot. *Correspondance inédite*, vol. II, publ. par A. Bibelon, Paris, 1930, стр. 248.